

DOI: 10.17805/zpu.2015.1.18

Воронежские годы Николая Станкевича

А. Н. СВАЛОВ

(РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, Г. МОСКВА)

В статье обобщается конкретно-исторический материал, относящийся к жизни русско-го мыслителя, просветителя, литератора Н. В. Станкевича в Воронеже в 1825–1830 гг., когда он учился в частном мужском пансионе. К этому времени часть провинциального дворянства уже начинает воспринимать образованность как ценность, которая во многом может определить весь строй жизни.

Рассматриваемый автором период жизни Станкевича был недостаточно изучен, и статья раскрывает значение учебы в Воронеже для становления личности видного деятеля русской культуры.

На основе выявленных автором документов, хранящихся в Центральном историческом архиве Москвы, Государственном архиве Воронежской области, и других источников уточняются оценки самого пансиона и раскрываются особенности учебы в нем Николая Станкевича. Именно в эти годы Станкевич обрел навыки самообразования, которое и в дальнейшем будет первостепенным фактором его самодвижения, интеллектуального и духовного развития. В Воронеже он начал ставить относительно высокую планку для своей последующей жизни.

К годам учебы в пансионе относятся первые поэтические публикации Станкевича (стихотворения, трагедия «Василий Шуйский»). За поэтическими опытами, пусть и несовершенными, стояла радость художественного творчества, радость от возможности самовыражения. Серьезно увлекся Станкевич театром. В воронежские годы он начал наполнять свое время-пространство ценностным содержанием.

Ключевые слова: Н. В. Станкевич, Воронеж, провинциальное дворянство, частные учебные заведения в России, российское образование в XIX в., литературное творчество.

Николай Владимирович Станкевич (1813–1840) вошел в историю как неординарный представитель мыслящей России 1830-х годов, побудитель духовных и интеллектуальных исканий, человек, для которого неизменным приоритетом выступало обогащение своего внутреннего мира.

Воронежская земля — родная для Станкевича. В уездном Острогожске 27 сентября 1813 г. он родился; в сельце Удеревка Бирюченского уезда, в приобретенном в 1814 г. и заново обустроенном родителями имении протекало его детство; в Острогожском уездном училище он в 1822–1824 гг. начнет систематическое учение. С 1825 по 1830 г. Станкевич учился и воспитывался в Воронеже, в благородном частном пансионе. Не забывал он о своей малой родине и будучи студентом словесного отделения Императорского Московского университета. Да и позже, после окончания университета в июне 1834 г., многократно приезжал в родные места, а в 1835–1837 гг. служил (правда, во многом формально, не оставив заметного следа) почетным смотрителем столь памятного с детских лет Острогожского уездного училища.

В настоящей статье мы не ставим задачей осветить все важнейшие воронежские страницы биографии Николая Станкевича. Они вполне могут и должны стать предметом отдельного обобщающего исследования. Пока же остановимся на 1825–1830 гг., когда он проживал в Воронеже, обучаясь в мужском пансионе.

Итак, в губернский центр Станкевич приехал осенью 1825 г. для продолжения «правильного образования». Для родителей, а семья была многодетной, было характерно повышенное внимание к обучению и воспитанию детей, к развитию их умственного и общекультурного кругозора, нравственности. В этом отношении они со всей

очевидностью находились среди носителей новых тенденций в развитии передового провинциального дворянства начала XIX столетия. Для этой части дворян совершенно неприемлемо учить детей «чему-нибудь и как-нибудь», ибо они уже воспринимают образованность как ценность, которая во многом определяет весь строй жизни. За год с небольшим до того, в июне 1824 г., Николай успешно окончил уже упоминавшееся училище в Острогжске. Теперь же ему предстояло привыкать к Воронежу, большому и пестрому, к новым лицам, улицам, домам, лавкам. Предстояло привыкать к только что открывшемуся пансиону.

Учредителями нового заведения, или пансионосодержателями, как называют их в документах, стали старшие учителя Воронежской гимназии П. К. Федоров, преподававший математику, и кандидат словесности А. А. Попов, который обучал «историческим наукам». 1 июня 1825 г. они подали прошение об открытии пансиона для детей мужского пола. 19 июня губернский директор народных училищ В. И. фон Галлер (он же директор гимназии) направил их прошение в Училищный комитет Московского университета. Возражений со стороны этого комитета, как и Совета университета, не последовало, и 18 июля попечитель Московского учебного округа князь А. П. Оболенский дозволил завести пансион (Центральный исторический архив Москвы — ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Д. 4734; Ф. 418. Оп. 81. Д. 1414), занятия в котором начались в середине октября того же года. Николай Станкевич оказался в первом наборе воспитанников.

Приведем некоторые сведения о содержателях пансиона. Павел Кондратьевич Федоров был выпускником Воронежской гимназии (в 1818 г.), в 1821 г. со званием действительного студента окончил физико-математический факультет Харьковского университета и вернулся в Воронеж, в гимназию, в которой служил до февраля 1834 г, практикуя, в частности, ланкастерскую систему проведения занятий. Потом преподавал в гимназиях Курска, Орла, Харькова; в августе 1836 г. определен директором училищ Орловской губернии, а в апреле 1841 г. занял такую же должность в Курской губернии.

Несколько слов и об Александре Алексеевиче Попове, сыне опытного педагога и организатора народного образования, историка донского казачества Алексея Григорьевича Попова. Он обучался в уездном училище и гимназии Новочеркаска. В 1817 г. поступил казеннокоштным студентом на словесный факультет Харьковского университета, курс которого окончил со званием кандидата. В августе 1822 г. назначен учителем в Воронежскую гимназию, в которой служил по август 1830 г.

Конечно, родители Станкевича могли бы отдать первенца-сына в Воронежскую гимназию, открытую еще в январе 1809 г. на базе третьего и четвертого классов прежнего главного народного училища. Однако выбор был сделан в пользу пансиона. Преподавание в нем велось по программе, близкой гимназической; ведущие преподаватели работали в гимназии, и такая увязка позволяла рассчитывать на неплохой уровень обучения. Но, в отличие от гимназии с ее смешанным составом учеников, в пансионе — не зря он будет называться благородным — обучались почти исключительно дворянские дети. Привлекали улучшенные условия пребывания в нем, а также акценты не только на учебные, но и воспитательные задачи. Учредители гарантировали пригляд и внимание к каждому подопечному. Стоимость пребывания и обучения за год при открытии заведения определили значительную: 900 руб. ассигнациями, без учета дополнительной платы за «упражнения в искусствах», под которыми имелись в виду музыкальные и танцевальные занятия. Отец Николая Станкевича, Владимир Иванович, к тому времени крупный помещик, постоянно интересовался учебой и условиями нахождения первенца-сына в пансионе.

По данным, выявленным нами, в августе 1826 г. в пансионе насчитывалось 10 воспитанников, в декабре того же года — 11, в феврале 1827 г. — 15, к осени того же года — 22. К концу 1829/30 учебного года, когда Станкевич завершал обучение, пансион вырос до 30 воспитанников при 9 учителях, из них 21 были отнесены по успеваемости к «хорошим» и 9 к «средственным» (Государственный архив Воронежской области. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 22. Л. 67, 78, 79, 89, 102; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Д. 6711. Л. 47; Д. 6732. Л. 72). Отметим, что этот пансион в годы своей работы отчасти восполнял отсутствие благородного пансиона непосредственно при Воронежской гимназии (таковой был открыт только в 1842 г.).

Учебное заведение вначале размещалось в живописном месте — доме княгини Н. П. Касаткиной-Ростовской на Савинской улице (встречается и название Савинковская). С холмистого возвышения над рекой Воронеж Николай и другие ребята хорошо видели остатки корабельной верфи Петра I и цейхгауза. Однако после смерти княгини в декабре 1828 г. дом в соответствии с завещанием надлежало передать военно-сиротской школе. Для пансиона стали ускоренно подыскивать новое расположение. В начале 1829 г. он переехал в особняк княгини О. М. Лобановой-Ростовской — каменное двухэтажное здание на Большой Девиченской улице, совсем недалеко от Воронежской гимназии, где и располагался вплоть до своего закрытия в 1834 г. Из нового, арендуемого дома красивый вид на город не открывался, зато при нем находился сад с длинными аллеями из лип и орешника. Станкевичу, как и другим воспитанникам, было где отдохнуть и, что не менее важно в лета отрочества и ранней юности, помечтать. Дом этот в сильно перестроенном виде сохранился до нашего времени.

Об уровне преподавания в пансионе, в котором Станкевич провел четыре с половиной года, имеются разные мнения. Так, например, Николай Иванович Костомаров (1817–1885), крупный историк и этнограф, учившийся в пансионе с 1829 г., считал, что это было одно из таких заведений, «где более всего хлопочут показать на вид что-то необыкновенное, превосходное, а в сущности мало дают надлежащего воспитания» (Костомаров, 1989: 432). Он писал: «В пансионе не учили почти ничему, что нужно было для поступления в университет. Самое преподавание производилось отрывочно; не было даже разделения на классы; один ученик учил то, другой иное; учителя приходили только спрашивать уроки и задавать их вновь по книгам» (там же). Такие высказывания в своей однозначной негативности неоправданны. Пансион работал без особых нареканий начальства, и качество преподавания в нем в целом отражало уровень — отнюдь, конечно, не образцовый — гимназического образования в тогдашнем Воронеже. Тенденциозность Костомарова во многом объясняется тем, что ему не по нраву пришлось порядки, установленные для пансионеров. В 1831 г. он был исключен из заведения за неоднократное ночное знакомство с запасами винной водицы из соседнего погребка.

Совсем с другими, чем у Костомарова, обобщениями мы встречаемся в большом очерке Павла Васильевича Анненкова (1811–1887) о Станкевиче. Анненков в целом положительно оценивает ученический пансион и Федорова, называя его «весьма умным директором», умеющим общаться с детьми. «Он казался глубоко огорченным, расстроенным и даже больным, когда приходилось разбирать школьнические проделки и изрекать осуждение; он умел также затрагивать самолюбие мальчиков, стыдить их без унижения, употребляя иронию, к которой дети, может быть, еще чувствительнее, чем взрослые» (Анненков, 1857: 18–19). В этих комплиментарных обобщениях наверняка имеется доля преувеличения. Но для нас важно, что Станкевичу в любом случае уделялось необходимое внимание; он не жалел о проведенных в пансионе го-

дах и позже, вспоминая о Федорове и других «образователях», не позволял себе критических высказываний в их адрес.

О самой учебе Станкевича сведений, к сожалению, мало. До нас, увы, не дошли письма, заметки, другие документы, исходящие от него самого. Очевидно, что учился Николай без особого напряжения, получая отличные и хорошие оценки по самым разным предметам. Даже по математике его нередко ставили в пример. Тем не менее к старшим классам вполне определился повышенный интерес к «историческому», т. е. гуманитарному кругу познаний, и это важно для понимания последующих страниц его биографии. Самую положительную роль в формировании и развитии такого интереса сыграл уже названный нами старший учитель А. А. Попов.

Существенно, что уже в пансионские годы Станкевич обрел навыки самообразования. Оно и в дальнейшем будет первостепенным фактором его самодвижения, развития интеллектуальных и духовных оснований. В Воронеже он начал ставить относительно высокую планку для последующей жизни, дабы она не оказалась серой, неинтересной, упрощенной в своей обыденности.

Николай и до пансиона любил читать, немало полезных и занимательных книг выписывал для него и других детей отец, но сейчас чтение стало занятием постоянным, значимым для пополнения знаний и взросления. Правда, литературные вкусы нашего героя пока размыты, и книги разного содержания и исполнения попадали в круг его чтения.

Нередко посещал он книжную лавку Дмитрия Антоновича Кашкина (1793–1862), находившуюся на углу Сенной площади и Острогжской улицы. Выгоды от торговли у Кашкина нередко отступали перед любовью к самой книге, к ее собиранию и пропаганде, и знакомство с этим просвещенным человеком было полезно для юного Станкевича. При лавке хозяин устроил библиотеку, откуда книги за невысокую плату брали читать на дом. Более того, лавка стала одним из мест общения для читающих людей, в основном молодых. Здесь можно было поговорить о русских и зарубежных «классиках», модных романах и о новинках литературы, в том числе издаваемой в городской типографии, открытой в мае 1798 г.

К воронежскому периоду относится и знакомство Станкевича с поэтом Алексеем Васильевичем Кольцовым (1809–1842). Обстоятельства их первой встречи, состоявшейся весной или, скорее всего, летом 1830 г., с достоверностью невозможно установить. В любом случае эта встреча — имела она место в книжной лавке Кашкина, в стенах пансиона или в Удеревке, имени Станкевичей — подтвердила любовь обоих юношей к отечественной литературе (обобщение разных версий этой встречи: Карташов, 2014: 47–55). Первое знакомство не станет последним, и Станкевич, будучи уже студентом в Москве, не раз проявит дружеское внимание к самобытному Кольцову, к его поэтической судьбе.

В пансионе Станкевич и сам зарекомендовал себя начинающим поэтом. Немало молодых образованных людей в то время стремились выразиться преимущественно в стихах, а не в прозе. Сам Николай признавался, что «стихоблудничал» еще в 14 лет, «марая бумагу и вытягивая метафоры и пышные фразы» (Переписка ..., 1914: 449), но его стихи, написанные ранее 1829 г., не сохранились. Понятно, что из написанного далеко не все предавалось огласке и тем более печаталось.

Первые опубликованные тексты — ими стали эпиграммы — появились в марте 1829 г. на страницах небольшого петербургского журнала «Бабочка. Дневник новостей, относящихся до просвещения и общежития». Издавался журнал Владимиром Сергеевичем Филимоновым (1787–1858) — поэтом, беллетристом и драматургом. Вскоре

были напечатаны и другие стихотворения, написанные под влиянием классицистических и отчасти сентиментальных традиций, которые почитались в пансионе (Станкевич, 2008; Поэты кружка Н. В. Станкевича, 1964). Одно из первых — «Луна», выполненное, возможно, по заданию учителя, опубликовано в номере «Бабочки» за 10 июля 1829 г. На следующий год Станкевич начал также печататься в «Атенеи» — литературно-научном журнале, выпускавшемся в 1828–1830 гг. профессором Московского университета Михаилом Григорьевичем Павловым (1793–1840). Этот ученый и просветитель был выпускником Воронежской семинарии, его неплохо знал П. К. Федоров, без рекомендации которого наверняка не обошлось. Участливую поддержку начинающему автору оказывал и А. А. Попов, который сам писал стихи, а в ноябре 1829 г. был избран действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете.

За своими строками и строфами, пусть и несовершенными, стояло проявление активности: «я могу». За ними стояла радость художественного творчества, радость от возможности самовыражения. За ними стояли новые образы, ощущения, переживания, ценить которые, а иногда и жить которыми постепенно учился Станкевич. В острогожском училище он был прилежным учеником, в Воронеже мы видим его учеником не только прилежным, но уже и самостоятельно думающим, с творческим пылом.

Однако лира Станкевича явно не от богов, рифмы запросто не приходили, стихи «не текли и так и сляк»; он, конечно, не Александр Пушкин и даже не Дмитрий Веневитинов. Возможно, в молодых мечтах он видел себя большим поэтом. Но таковым не стал: дар поэта — удел немногих. Стихи позволяют говорить о его литературных наклонностях, но не более того. Встречающиеся утверждения о «литературном таланте» Станкевича неоправданны. Вместе с тем он не пустой стихоплет, его вирши, несомненно, не из ряда поверхностных поделок, дешевых однодневок (см. дополнительно: Долгая, 2012). Убедиться в этом может сегодня каждый, кто ознакомится с его стихотворными опытами.

Для нашего автора жизнь прекрасна, и, проявляя религиозные чувства, с «верой простодушной» он боготворит этот мир. Он восхищен красотами земных явлений, разумностью бытия, и благодарность к Богу — Творцу вселенной, к Богу, возжегшему огонь, пылающий в душах людей, переполняет его:

Любовь к тебе свята, чиста,
Ты мир блаженством наполняешь
И жизни светлые врата
Рабам покорным отверзаешь!

Стансы [1829].

Характерное для Станкевича радостное восприятие развертывающейся жизни (а почему бы ему быть другим?) сопряжено с душевным и телесным томлением. Сильная по накалу юношеская любовь не обошла его, что нашло выражение и в поэтических строках («Прости!», «Утешение»). Александр Станкевич, младший брат, писал, что «много лет спустя, после иных, более серьезных привязанностей, между его (Н. В. Станкевича. — А. С.) бумагами хранилось воспоминание этой первой, юношеской склонности — маленький голубой тюльпан, нарисованный на небольшом клочке бумаги с тонкою подписью двух букв Н. К.» (Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. Ф. 351. Оп. 1. Д. 83. Л. 91–92). Николаю, как и ей, было, что помнить...

«На основании Высочайше утвержденного Устава, подведомственных университетам, дан сей Воронежского Благородного мужского пансиона пансионеру Николаю Станкевичу, окончившему преподаваемые в оном науки, в том, что он во все время своего пребы[ва]ния в оном вел себя отлично, благонравно и оказал успехи: I. В Законе Божиим *отличные*, II. В математике *превосходные*, III. В истории, географии и статистике *превосходные*, IV. В естественной истории и физике *хорошие*, V. В грамматике Российской, логике и риторике *превосходные*, VI. В поэзии и эстетике *превосходные*. Языках: VII. Латинском *довольно хорошие*, VIII. Немецком *хорошие*, IX. Французском *очень хорошие*, X. В рисовании *хорошие*. Сын поручика.

Директор училищ Воронежской губернии и Кавалер *Владимир фон Галлер*.

Пансионосодержатель и действительный член Общества любителей Рос[сийской] словесности *Александр Попов*.

Пансионосодержатель и старший учитель гимназии *Павел Федоров*.

Учитель Закона Божьего и латинского языка Соборный иерей *Иван Покровский*.

Учитель французского языка *Николай Сомме*.

Учитель немецкого языка *Эдуард Праль*.

Учитель рисовального искусства *Алексей Железов*» (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 100. Д. 168. Л. 3).

* * *

Воронежский период жизни Станкевича был недостаточно изучен, и на основе архивных и других источников мы получили возможность показать значение этого периода для становления личности видного деятеля русской культуры.

Воронежские годы — это время серьезной учебы Станкевича, которая уже начала выступать важнейшей формой его самоутверждения и самореализации. Но неверно замыкаться только на учебе как таковой. Это годы взросления, быстрого набирания жизненных сил, когда Николай из подростка превратился в юношу, который, стремясь заглянуть в будущее, начинает активно работать над собой, наполнять свое время-пространство ценностным содержанием. Это годы его первых творческих занятий, в основном литературных. Годы новых впечатлений и душевных переживаний.

Через несколько дней после окончания пансиона юный, вольный, воодушевленный Николай Станкевич отправится в Москву. Решение учиться в старой столице, в Московском университете стало выражением его внутренней потребности к расширению горизонта познаний, обогащению себя, своей личности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Учебные заведения Воронежской губернии с октября 1824 по январь 1831 г. по части управления относились к Московскому учебному округу и были подведомственны Московскому университету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анненков, П. В. (1857) Николай Владимирович Станкевич. Переписка и биография его. М. : Типогр. Каткова и К°. 395 с.

Анчиполовский, З. Я. (1996) Старый театр, Воронеж: 1787–1917. Воронеж : Изд.-полиграф. центр «Черноземье». 318 с.

Бродский, Н. А. (1915) Я. М. Неверов и его автобиография // Вестн. воспитания. №6. С. 73–129.

Долгая, Е. А. (2012) Жанрово-стилистическое своеобразие художественных произведений Н. В. Станкевича // Вестн. Харьковск. нац. пед. ун-та им. Г. С. Сковороды. №1–2 (46): Русская филология. С. 85–88.

Карташов, Н. А. (2014) Жизнь Станкевича: худ.-докум. повествование. М. : У Никитских ворот. 352 с.

Клинчин, А. П. (1968) Повесть о забытой актрисе. Жизнь и творчество Любови Ивановны Млотковской. М. : [Искусство]. 248 с.

Костомаров, Н. И. (1989) Исторические произведения. Автобиография. 2-е изд. Киев : Изд-во при Киев. гос. ун-те. 734 с.

Переписка Николая Владимировича Станкевича, 1830–1840. (1914) М. : Издание и ред. Алексея Станкевича. 787 с.

Поэты кружка Н. В. Станкевича (1964) : [сб. стихов] / вступ. ст. С. И. Машинского. М. ; Л. : Сов. писатель, Ленингр. отделение. 617 с.

Свалов, А. Н. (2012) О трагедии Н. В. Станкевича «Василий Шуйский» // Знание. Понимание Умение. №4. С. 111–116.

Станкевич, Н. В. (2008) Избранное / вступ. ст. Б. Т. Удодова. Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края. 304 с.

Дата поступления: 22.12.2014 г.

NIKOLAI STANKEVICH: THE VORONEZH YEARS

A. N. SVALOV

(RUSSIAN ACADEMY OF SOCIAL SCIENCES, MOSCOW)

The article brings together the available data on the life of Russian thinker and author Nikolai Stankevich in Voronezh in 1825–1830 when he was a student at a private boarding school for boys. By that time, some of the provincial nobility had begun to view education as a life-changing value.

This period of Stankevich's life has not been studied in the necessary amount of detail. The article looks at the importance of the Voronezh formative years for the prominent Russian thinker.

The documents preserved at the Central Historical Archive in Moscow, the State Archive of Voronezh oblast and at other places shed some light on the private school and Stankevich's study there. It was during these years that Stankevich began his hallmark practice of self-education, which would continue to shape his intellectual and spiritual development. While living in Voronezh, he set the bar for his personal achievement very high.

During his years at the school, Stankevich wrote his first works (a number of poems and a tragedy titled "Vasilii Shuiskii"). His early poems, imperfect as they are, reveal the joy of creativity and self-expression. Stankevich developed a strong passion for theatre. His years at Voronezh saw the rise and growth of new values for the Russian thinker.

Keywords: N.V. Stankevich, Voronezh, provincial nobility, private schools in Russia, Russian education in the 19th century, literary activity.

REFERENCES

Annenkov, P. V. (1857) *Nikolai Vladimirovich Stankevich. Perepiska i biografiia ego* [Nikolai Vladimirovich Stankevich. His correspondence and biography]. Moscow, Katkov and C^o Publ. 395 p. (In Russ.).

Anchipolovskii, Z. Ya. (1996) *Staryi teatr, Voronezh: 1787–1917* [Old theater, Voronezh: 1787–1917]. Voronezh, Chernozem'e Publ. 318 p. (In Russ.).

Brodsky, N. L. (1915) Ya. M. Neverov i ego avtobiografiia [Yanuarii Neverov and his autobiography]. *Vestnik vospitaniia*, no. 6, pp. 73–129. (In Russ.).

Dolgaia, E. A. (2012) Zhanrovo-stilisticheskoie svoeobrazie khudozhestvennykh proizvedenii N. V. Stankevicha [Genre and stylistic originality of N. V. Stankevich's literary works]. *Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni G. S. Skovorody*, no. 1–2 (46): Russkaia filologiya [Russian Philology], pp. 85–88. (In Russ.).

Kartashov, N. A. (2014) *Zhizn' Stankevicha* [The life of Stankevich]. Moscow, U Nikitskikh vorot Publ. 352 p. (In Russ.).

Klinchin, A. P. (1968) *Povest' o zabytoi aktrise. Zhizn' i tvorchestvo Liubovi Ivanovny Mlotkovskoi* [The tale of the forgotten actress. Life and work of Lyubov Mlotkovskaya]. Moscow, Iskusstvo Publ. 248 p. (In Russ.).

Kostomarov, N. I. (1989) *Istoricheskie proizvedeniia; Avtobiografiia* [Works on history; Autobiography]. Kiev, Kiev State University Publ. 734 p. (In Russ.).

Perepiska Nikolaia Vladimirovicha Stankevicha, 1830–1840 [The correspondence of Nikolai Stankevich] (1914) / ed. by Aleksei Stankevich. Moscow. 787 p. (In Russ.).

Poety kruzka N. V. Stankevicha [Poets of the N. V. Stankevich circle] (1964) : A collection of poems / intr. by S. I. Mashinskiy. Moscow ; Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., Leningrad branch. 617 p. (In Russ.).

Svalov, A. N. (2012) O tragedii N. V. Stankevicha «Vasilii Shuiskii» [On N. V. Stankevich's tragedy "Vasilii Shuiskii"]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 111–116. (In Russ.).

Stankevich, N. V. (2008) *Izbrannoe* [Selected works] / intr. by B. T. Udodov. Voronezh, Tsentr dukhovnogo vrozhdeniia Chernozemnogo kraia Publ. 304 p. (In Russ.).

Submission date: 22.12.2014.

Свалов Александр Николаевич — кандидат исторических наук, академик Российской академии социальных наук, г. Москва. Тел.: +7 (495) 399-15-83. Эл. адрес: ava-69@mail.ru

Svalov Aleksandr Nikolayevich, Candidate of History, Member, Russian Academy of Social Sciences, Moscow. Tel.: +7 (495) 399-15-83. E-mail: ava-69@mail.ru